

«Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф5:14-15), - пророчески обращается к Своим ученикам Христос Спаситель.

Эти слова Господа исполнились на примере многочисленных подвижников Православной Церкви, оказавшись справедливыми в разные исторические периоды и эпохи. Находиться на свещнице церковного служения, быть духовным наставником – всегда тяжелое дело, являющееся по слову апостола, постоянным пребыванием: «в труде..., часто в бдении..., часто в посте» (2 Кор.11:27). Но одно дело, когда служение святого Богу и людям совершается в христианском обществе, в эпоху церковного мира и благоденствия. Тогда подвижник зачастую окружен всенародной любовью, с ним беседуют правители, его слово неизменно воспринимается со вниманием и благоговением многими людьми. В истории Византии, христианской Руси имеется немало таких примеров. И иное – когда пастырство, попечение о спасении душ человеческих проходит во время гонений на веру Христову. Именно в таких непростых, а порой и невыносимых по человеческим меркам условиях, существовала Церковь Христова, жили Ее святители, пастыри и верные чада в период огненного испытания, попущением Божиим выпавшего на долю нашего Отечества в XX столетии. Многочисленные исторические факты, различные документы и рассказы очевидцев живо свидетельствуют о жестокой борьбе безбожников с православной верой, со всеми, кто носил имя христианина и хотел жить по евангельским заповедям. Богоборческая власть не только стремилась искоренить в народе всякую религиозность, но и старалась сделать все, чтобы в глазах людей унижить, опорочить и растоптать наиболее выдающихся носителей Православия. Секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б) Е.А. Тучков в 1922 году откровенно писал в своем рапорте, что его организация осуществляет работу по приближению того момента «когда будет сломлена и

дискредитирована тихоновщина, которая до сего времени имеет еще первенствующее значение...». Особенное внимание атеистические идеологи обращали на тех, кого православная паства воспринимала как своих подлинных духовных наставников. Не счесть гнусных, клеветнических статей, ежедневно печатавшихся в центральных и местных газетах в адрес тогдашнего Предстоятеля Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Тихона, его верного сподвижника, особо любимого москвичами, архиепископа Верейского Илариона, и многих других деятелей русского Православия. В 20-х годах прошлого века фабриковались показательные процессы по делам о якобы сокрытых церковных ценностях. В этих судебных разбирательствах государственное обвинение старалось представить духовенство жестокими людьми, прятаями ценности из корыстных мотивов и не желавших спасения голодающих крестьян.

Глубоко в грязь стремились втоптать светильников Православной веры и благочестия «строители нового мира». Но чем больше усилий прилагали воинствующие атеисты, чем сильнее вращались жернова репрессий, тем удивительней выглядит исполнение пророчества Христа Спасителя: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Никакие кампании безбожников, никакие усилия антицерковной агитации не смогли затмить светлый образ православных подвижников. Память об их подвиге всегда сохранялась в народе, а клевета и наговоры исчезали, «как рассеивается дым..., как тает воск от огня» (Пс. 67:3). Единственной силой, которая в те страшные годы могла превозмочь злобу гонителей и оживлять разрушаемый врагами церковный организм, была сила святости. Это хорошо видно на примере мучеников, исповедников и подвижников, просиявших в Казахстане.

На древней земле Казахстана столь обильно пролилась кровь страдальцев Христовых, что по слову приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II, весь этот огромный край стал «антиминсом – распростертым под открытым небом». Такого мученичества не знала тысячелетняя история Русской Православной Церкви, такой жестокости не видел и древний мир на заре христианской эры.

Началом эпохи гонений на Церковь в Семиречье можно назвать дату - 16 сентября 1918 года. В этот день в рощу, высаженную на окраине города Верного трудами ученого-лесовода Эдуарда Баума, красноармейцы отряда Мамонтова привезли на пулеметной тачанке епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова). Здесь над ним свершилась незаконная расправа – Преосвященный Пимен был расстрелян. Ему было суждено своим именем открыть длинный список, состоящий из десятков тысяч ведомых и неведомых нам имен мучеников Православной Церкви Казахстана. Можно вспомнить дорогие православным сердцам имена: священноисповедника Николая (Могилевского), митрополита Алма-Атинского и Казахстанского, священномученика Мефодия, епископа Петропавловского, преподобномучеников Серафима и Феоноста, расстрелянных в Аксайском ущелье, священномученика Василия, пресвитера Жаркентского, и многие другие. Сегодня все они окружены глубоким благоговейным почитанием не только в нашей Республике, но и за ее пределами. Свое искреннее уважение по отношению к ним засвидетельствовали представители других религиозных конфессий, традиционных для Казахстана. Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев пишет: «Память о

миллионах людей разной этнической и религиозной принадлежности, попавших в жернова тоталитарной системы - невинно осужденных за инакомыслие, погибших в ГУЛАГовских застенках и безжалостно изгнанных с родной земли - для нас, граждан свободного, независимого Казахстана, всегда была и будет священна».

Готовность христианина пострадать ради своих религиозных убеждений «даже до крови» есть неотъемлемое требование нашей веры и естественное состояние души. Святой апостол Павел в эпоху первоначальных гонений обращается к последователям Распятого и Воскресшего Господа: «Не страшитесь ни в чем противников... И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29). Дело Божие – в определенные моменты истории призвать христианина к исповедничеству. Дело христианина – с радостью ответить на этот Божий призыв. Наша обязанность - благоговейно чтить святых мучеников, привлекать внимание общества к их подвигу, назидать себя, утверждаясь их примером в готовности мужественно стоять за правду Божию и веру Христову.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2011 года постановил: «Для того, чтобы память о новомучениках укреплялась в нашем обществе как пример стояния в вере, Церковь призывает умножить усилия для распространения в народе почитания святых новомучеников и исповедников».

Добрые качества, присущие новомученикам и исповедникам Церкви Русской, начиная со Святейшего Патриарха Тихона, митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) и митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) - твердое стояние в истинной вере, смелое исповедничество, жертвенное служение Богу и людям - в полной мере относятся к выдающемуся представителю русской святости прошлого столетия, преподобноисповеднику Севастиану, старцу Карагандинскому. Он вошел в историю Православия не только как страдалец за веру, но и как духоносный наставник, наследник благодати оптинского старчества.

Стефан Васильевич Фомин, будущий старец Севастиан, родился в день памяти преподобного Стефана Савваита 28 октября/10 ноября 1884 года в крестьянской семье села Космодемьяновское Орловской губернии. Имел двух старших братьев: Илариона и Романа. Родители были бедны, но благочестивы. Незабываемое впечатление раннего детства – поездка в 4-х летнем возрасте в прославленную Оптину пустынь, расположенную в 150 километрах от Орла, где тогда старчествовал самый известный оптинский подвижник - преподобный Амвросий, сыграла важную роль в духовном становлении отрока. Неизвестно, встречался ли Стефан с отцом Амвросием еще, (последний умер в 1891 году), но портрет этого святого старца был с ним в течение всей жизни. Вскоре после этого паломничества от непосильного крестьянского труда и болезней умирают мать и отец. Иларион в достаточно молодом возрасте женится, а Роман избирает иноческое житие, в 1892 году поступив послушником в ту же Оптину. В зимнее, свободное от крестьянской работы время, Стефан любит посещать в прославленном монастыре среднего брата, и в скором времени сам ощущает в сердце призвание к монашеству.

В 1905 году Иларион, наконец, отпускает Стефана в Оптину пустынь. А через три года происходит удивительное событие - 24-летний послушник Стефан становится келейником преподобного иеросхимонаха Иосифа (Литовкина), преемника великого старца Амвросия. Семидесятилетний отец Иосиф, несмотря на физические немощи и болезни, в то время являлся главным духовным наставником монастыря, у которого окармливались тысячи людей со всей России. Братия обители понимала, что недалек миг перехода старца в вечность. Прозрел великий светильник Оптиной, преподобный Иосиф, в юном Стефане пока еще сокрытые духовные дары, расположение его воли к подвижническому житию, способность его сердца наследовать эту особую оптинскую благодать Всероссийского старчества. Избрал именно его, а не более взрослого и опытного насельника обители для того, чтобы тот продолжал служение старцев. Конечно, преподобный Иосиф не мог ошибиться. Ведь он сам начал келейничать у старца Амвросия достаточно рано, в 23 - летнем возрасте, и прослужив ему верой и правдой более 30 лет, стал его наследником и преемником.

Бесценные примеры настоящей жизни по Евангелию и глубокие духовные уроки получил послушник в общении с преподобным Иосифом. Стефан был свидетелем того, как 29 октября 1910 года, на закате своей бунтарской жизни великий русский писатель с трагической судьбой Л.Н. Толстой дважды подходил к воротам Оптинского скита, где тогда находился больной отец Иосиф, но из гордости не решился встретиться со старцем. Современная исследовательница жития преподобного Севастиана монахиня Сергия (Королева) передает в своей книге о Карагандинском подвижнике его рассказ: «Я увидел Льва Николаевича и доложил старцам, что он возле дома близко ходит, то подойдет, то отойдет. Старец Иосиф говорит: «Трудно ему. Он ведь к нам за живой водой приехал. Иди, пригласи его, если к нам приехал. Ты спроси его». Я пошел, а его уж нет, уехал. Совсем еще мало отъехал, а ведь на лошади он, не догнать мне было». Не благословил Бог тогда стать Стефану Фомину проводником отлученного гения обратно, в ограду Церкви.

После смерти отца Иосифа его келейник перешел на послушание к старцу Нектарию (Тихонову) - последнему светильнику Оптиной пустыни в период до ее закрытия большевиками. Пострижение в рясофор послушник Стефан принял в 1912 году, а постриг в мантию с именем Севастиан (в честь мученика Севастиана) – в роковом, 1917-ом, буквально за несколько месяцев до скорбной даты 10/23 января 1918 года – юридического прекращения деятельности обители, которая, впрочем, еще некоторое время существовала под видом сельскохозяйственной артели.

Изгнанный в 1923 году из обители старец Нектарий доживал свои дни в селе Холмищи Брянской губернии. Рядом с ним снимал комнату отец Севастиан, который незадолго до преставления иеросхимонаха Нектария (29 апреля / 12 мая 1928 года), был рукоположен в священники. Еще не достигнув своего 45-летия, подвижник стал преемником великих оптинских старцев, открыв новую страницу бытия пустыни – период старчества в изгнании.

С 1928 по 1933 год иеромонах Севастиан служил в городе Козлове (Мичуринск) Тамбовской области под руководством протоиерея Владимира Нечаева. Его сын,

Константин, станет в последствие митрополитом Волоколамским и Юрьевским Птиримом, одним из видных деятелей нашей Церкви послевоенного времени. Вот фрагмент бесценных воспоминаний владыки Питирима, которые рисуют нам живой, яркий, неповторимый образ подвижника Христова: «Мой отец переписывался со старцем Нектарием. Отец Севастиан был его учеником. Это был удивительный человек. Он принимал людей еще будучи юным послушником, потом дьяконом и приобрел известность еще до первой мировой войны. После закрытия Оптиной пустыни он приехал к нам — отец написал ему и пригласил. Когда отца арестовали, отец Севастиан взял на себя заботу о нашей семье, — о нас, младших, потому что старшие были уже в Москве. Спустя некоторое время после того, как мы уехали, арестовали и его, и потом мы с ним встретились только в 1955 году, когда кончился срок его заключения и ссылки, а я уже стал церковным работником. Хлопотали о том, чтобы открыть Церковь в Караганде, и я принимал в этом участие. Когда Церковь открыли, я к нему поехал по благословению Патриарха и с тех пор поддерживал с ним отношения до самой его смерти. При всех своих необычайно высоких духовных дарованиях старец Севастиан был очень болезненным. Болезнь его началась с нервного потрясения. В начале XX века он был первым и любимым учеником старца Иосифа Оптинского. Когда старец Иосиф умер, его это так потрясло, что у него сделался парез пищевода. Всю жизнь он мог есть только жидкую супообразную пищу: протертую картошку, запивая ее квасом, протертое яблоко — очень немного, жидкое, полусырое яйцо. Иногда спазм схватывал его пищевод, он закашливался и есть уже не мог, оставался голодным. Можно себе представить, как тяжело ему приходилось в лагере, когда кормили селедкой и не давали воды».

В феврале 1933 года отца Севастиана арестовали. На допросах он дал прямой ответ: «На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Такие же взгляды я высказывал среди своих приближенных, а также и среди остальных граждан, с которыми приходилось говорить на эту тему. При этом говорил, что нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, только тогда мы от этого избавимся. Я мало был доволен соввластью за закрытие церквей, монастырей, так как этим уничтожается Православная вера».

Семь лет лагерей получил этот исполненный выдающихся духовных дарований пастырь. Поначалу ему пришлось трудиться на лесоповале в Тамбовской области, а с 1934 года в жизнь преподобного Севастиана навсегда вошла Караганда.

В то время Караганда представляла собой сеть разрозненных поселков, основанных в начале века переселенцами из России. Согласно одному из местных преданий в 1833 году, в урочище на берегу реки Нуры, молодой пастух Аппак Байжанов обнаружил гладкие, словно отполированные, «горящие» камешки — куски каменного угля. В марте 1906 года у местного бая Игилика Утепова урочище «Караганды» приобретает купец из Петропавловска Никон Ушаков за 10 коней и 256 рублей, тогда же здесь начинается

разработка угольных залежей. Со следующего года местный уголь уже получают соседние медеплавильные фабрики. Возникают несколько шахтерских поселений. В период гражданской войны промышленное производство в Караганде было остановлено. Однако, провозглашенная в 1925 году в СССР индустриализация требовала больших запасов топливного сырья и в 1930 году в Центральном Казахстане возобновилась разработка угольных месторождений. Вблизи урочища возникали небольшие поселки, которые постепенно соединялись в единое целое. К этому же году относится возникновение печально знаменитого Карлага (Карагандинского исправительно-трудового лагеря) - самого обширного в Советском Союзе. Первоначально он стал одним из тех лагерей, которые занимались хозяйственным строительством. Сосланные в Карагандинскую область представители 48 национальностей, работали более чем на 70 предприятиях. В целом, Карлаг за годы своего существования (с 1931 по 1956 гг.) принял около миллиона человек. Но поскольку архивы Карлага до сих пор остаются засекреченными, нет возможности назвать точное число его жертв.

10 февраля 1934 года Караганда получила статус города, а 26 мая в административный центр Карлага, находящийся в близлежащем поселке Долинка прибыл старец Севастиан. Таким образом, преподобный своими молитвами и трудами освящал «шахтерскую столицу Республики» практически с самого ее основания.

После освобождения из лагеря в апреле 1939 года отец Севастиан получил возможность вернуться в Тамбовскую область, равно как и переехать в другой регион России. Однако, неожиданно на такое предложение своих духовных чад отвечает решительным отказом. «Вот кончится война, и поедем с Вами на родину, на Тамбовщину», - говорили батюшке духовные чада. «Нет, сестры, - отвечал старец, - здесь будем жить. Здесь вся жизнь другая и люди другие. Люди здесь душевные, сознательные, хлебнувшие горя. Мы здесь больше пользы принесем, здесь наша вторая родина». Казалось бы, естественно человеку, претерпевшему скорби и мучения, стремиться изо всех сил покинуть то место, где испил он чашу страданий, испытал боль и унижения. Но, осознавая духовную значимость и величие этого края, омытого и освященного кровью мучеников, и необходимость пастырского попечения о многочисленных спецпереселенцах старец Севастиан остается в Караганде. Посещая одно из кладбищ, где были погребены сотни репрессированных, скончавшихся от голода и болезней, преподобный сказал: «День и ночь здесь, на этих общих могилах мучеников, горят свечи от земли до неба».

Особую благодать этих мест подчеркивал и современник отца Севастиана – приснопамятный митрополит Казахстанский Иосиф (Чернов), любивший посещать шахтерский край. Владыка говорил: «Караганда медом помазана», «Караганда на святых костях построена» и «Поедем в благословенную Караганду».

Как в чистый родник впадают другие ручейки, и он становится полноводной рекой, так к старцу Севастиану потянулись ищущие утешения и духовной жизни верующие, и образовалось мощное религиозное движение, захватившее весь Казахстан, противиться которому не могли даже безбожные власти.

В 1944 году на окраине города, в селе Большая Михайловка, на улице Нижней, духовными дочерями старца был куплен дом, в котором подвижник устроил небольшую церковь. Молитвенный труд, ежедневное вычитывание суточного круга богослужений, тайное служение Божественной Литургии стали основным занятием преподобного на все будущее время.

Вскоре о нем узнали многие православные Большой Михайловки, также многие из прежних и будущих духовных чад старца стали съезжаться в Караганду, поселяясь в дешево продававшихся тогда саманных домиках. Основу будущей общины составляли «родные по духу сестры», которые искали духовного руководства после закрытия Оптиной пустыни. Первой приехала инокиня Шамординского монастыря Агриппина, которую батюшка определил петь на клиросе. Затем приехала инокиня того же монастыря – Феврония, ей было дано послушание вести домашнее хозяйство. Вскоре приехали две девушки из купеческой семьи, одна из них – инокиня Варвара, обладавшая хорошим голосом и прекрасной памятью. Она стала уставщицей в храме и получила наименование «миротворица» за то, что примиряла ссорящихся.

По благословению батюшки, верующие арендовали дом на улице Западной 18, собрали необходимые документы, и в ноябре 1946 года ходатайствовали перед местной властью о регистрации общины. Просили также прислать комиссию с техосмотром. Первая попытка потерпела неудачу – пришел ответ «власти запрещают священнику Севастиану Фомину службы в самовольно открытом храме». 10 декабря 1947 года заявление о регистрации общины и молитвенного дома, список двадцатки, договор об аренде помещения и акт техосмотра, заверенные настоятелем иеромонахом Севастианом, личными подписями членов церковного совета и двадцатки направляются повторно. В начале 1948 года письма направляются вновь. Верующие пишут в Алма-Ату, в различные инстанции, пытаются заручиться поддержкой разных авторитетных людей (например, военкома Карагандинской области полковника Гончарова). Остается только удивляться смелости и активности духовных чад старца в эти времена, когда после кратковременной передышки, связанной с войной, гонения на христиан возникали с новой силой.

Судя по материалам переписки, удалось склонить к открытию храма руководителя Республиканского уполномоченного органа по делам религий, Вахменина, но местные власти разрешения упорно не давали. Наоборот, в 1951 году Михайловский молитвенный дом, существовавший практически нелегально, был закрыт. Богослужения стали совершаться исключительно по квартирам. На заранее обговоренное место глубокой ночью приходил батюшка, туда же стекались по одному или по два человека православные верующие. Начиналось всенощное бдение, которое переходило в Литургию, богослужение завершалось под утро.

В те годы у власти были все основания провести новые аресты среди верующих и расправиться со старцем окончательно, но не иначе, как чудесным заступлением Божиим этого не произошло.

Укрепляемые благословением и молитвенной поддержкой отца Севастиана,

православные карагандинцы не оставляли надежды на создание храма и регистрацию общины. 15 июня 1955 года члены «двадцатки» пишут очередное обращение к органам власти: «Кому нужно такое нелепое состояние? Где разумное основание держать нас в таком ложном положении? Где же свобода совести и религиозного исповедания?». И, после некоторого времени, наконец, получают официальное разрешение на проведение богослужений в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Большой Михайловке.

Начались работы по ремонту храма, в которых батюшке помогали все, кто мог и чем мог. Монахиня Агния, бывшая духовная дочь Оптинского старца Варсонофия, знавшая по Предтеченскому скиту и отца Севастиана, написала храмовые иконы.

Преподобный Севастиан был настоятелем храма одиннадцать лет — со дня официальной регистрации до самой своей кончины в 1966 году. С 1956 года преподобный постоянно проживал в особой сторожке при храме, где в настоящее время устроена его мемориальная келья.

22 декабря 1957 года, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная радость», архиепископом Петропавловским и Кустанайским Иосифом (Черновым) отец Севастиан был возведен в сан архимандрита и награжден Патриаршей грамотой «За усердное служение Святой Церкви». В 1964 году ко дню своего Ангела был награжден правом использования архиерейского жезла - награда, примеров не имеющая.

Пастырское служение преподобного Севастиана в Караганде, само по себе нелегкое по причине голода, административных препятствий, бытовой неустроенности и физических недугов, было отягощено новой волной гонений на Церковь Христову. Вскоре после прихода к власти в стране Н.С. Хрущева началась масштабная антирелигиозная кампания. Именно этот генсек, патологически ненавидевший все, что было связано с Православием, обещал в 1980 году «показать по телевизору последнего попа». Хрущевские гонения не были столь кровавыми, как в 30-х годах, но идеологически они стали более изощренными и лукавыми. Второй особенностью кампании можно назвать ее небывалый размах. Борьба с религией велась на всех уровнях, в нее вовлекались правоохранительные и партийные органы власти, руководство и коллективы предприятий, профсоюзы, комсомол и пионерия, общественные организации, вся система образования, начиная от детского сада и заканчивая ВУЗом.

«Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир» (1Ин. 5:4), - говорит апостол Иоанн Богослов. Все ухищрения работников органов власти и провокации спецслужб, активность идеологов и агитаторов оказались бессильны перед пожилым священником, немощным телом, но сильным духом.

О последних часах жизни преподобного рассказывает митрополит Питирим (Нечаев): «В 1966 году я был включен в состав паломнической группы, следовавшей на Святую Землю. Возглавлял нашу группу тогдашний Председатель Отдела внешних церковных сношений, ныне покойный уже Митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим. Поездка предполагалась очень ответственной — мы должны были решить множество вопросов относительно нашей Духовной Миссии в Иерусалиме. Накануне отъезда, в

первых числах апреля я позвонил в Караганду отцу архимандриту Севастиану, попросил его святых молитв и благословения в дорогу. Но неожиданно для меня старец посоветовал мне отказаться от этой поездки. — «Так надо, потом поймешь», — сказал он мне тогда по телефону. Его ответ просто ошеломил меня, я был в полной растерянности и недоумении: с одной стороны я всегда верил и следовал благословию Старца, но с другой стороны, думалось мне, — как я объясню свой отказ Митрополиту? Решение пришло совершенно неожиданно. — Перед самым отъездом, буквально накануне вечером у меня появился сильнейший жар — температура поднялась до сорока градусов. Было очевидно, что поехать я не смогу. Я позвонил владыке Никодиму и сообщил ему о случившемся. Кажется, митрополит тогда был очень расстроен, что моя поездка не состоится. Мы поговорили с ним по телефону, обсудили наши дела, он пожелал мне скорейшего выздоровления.

Прошло несколько дней и вдруг раздается звонок из Караганды — от отца Севастиана — меня просят, чтобы я немедленно вылетал к нему. Как же я был удивлен тогда: старец буквально «отговаривал» меня от такой ответственной поездки на Святую Землю, а тут вдруг: «Срочно вылетай». Но я поспешил исполнить благословение отца Севастиана, к тому же и чувствовал я себя уже гораздо лучше.

16 апреля, в субботу, я прилетел в Караганду и сразу же с аэродрома поехал к Старцу. — Выглядел он очень плохо. Был совершенно слаб. — Таким, наверное, я никогда, ни при какой болезни его не видел... Он просил меня постричь его в схиму... Сразу же начались приготовления, откладывать далее было уже нельзя — Старец был очень слаб. Благодарение Господу, все удалось очень успешно: несмотря на изнеможение и слабость, отец Севастиан был в полной памяти, и нам удалось тогда же совершить пострижение его в великий ангельский образ.

Я был около Старца буквально до последних часов его жизни. Той же ночью, после пострижения в схиму, ему стало очень плохо, он поисповедовался, причастился. Жаловался, что испытывает томление духа и тела». 19 апреля старец преставился ко Господу, завершив свой многотрудный земной путь.

Вплотивший в своей подвижнической жизни лучшие духовные традиции старчества Оптиной пустыни, прошедший весь ужас сталинских тюрем и лагерей, преподобный Севастиан, повинувшись воле Божией, избрал Казахстан местом своего служения. О святом Севастиане подвижник благочестия митрополит Иосиф (Чернов) сказал такие слова: «Он все терпел со смирением, за всех молясь Богу о спасении и вразумлении. И вот за его слезы и молитвы ко Господу благодать Святого Духа будет на Караганде до второго пришествия».

«Блаженны умирающие в Господе. Они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Отк. 14:13), - свидетельствует Священное Писание. Труды святого подвижника продолжают приносить плоды в веках. Сегодня мы имеем возможность приобщаться к духовному богатству его святости – этому поистине неисчерпаемому источнику живой «воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:14).

В древней пословице сказано, что люди не ходят к пустому колодцу. Нескончаемый поток паломников из Казахстана, России, Украины, Белоруссии, Молдавии и иных стран к святым мощам преподобного Севастиана свидетельствует о его действительной благодатной силе. Чудеса, явленные святым Карагандинским старцем, многочисленны: исцелялись и продолжают исцеляться многие душевные и физические недуги, утихают скорби и ко благу изменяются житейские обстоятельства, находятся ответы на самые трудные вопросы.

В день преставления ко Господу святого старца необходимо обратить духовный взор к назидательным словам преподобного, произнесенным им незадолго до преселения в жизнь вечную: «Прошу вас всех об одном: живите в мире. Мир и любовь – это самое главное. Если будете иметь это между собою, то всегда будете иметь в душе радость. Достичь ее можно только миром, любовью, искренней сердечной молитвой. Ничем не спасешься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри души своей и в сердце – мирной тишины и любви. Чтобы взгляд ваш никогда ни на кого не был косым. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ, на добрый поступок. Последней просьбой своей прошу вас об этом».

Пусть же опыт деятельного благочестия, сохраненный в житии Карагандинского старца, в народной памяти о его подвижнической жизни и иноческих трудах, побудит нас к очищению души и сердца, к последованию благому примеру православных святых, делом исполнивших заповедь о любви к Богу и ближнему.

Молитвами преподобного Севастиана, последнего Оптинского и первого Карагандинского старца, да сохранит Всемилостивый Господь благословенную Караганду, всю нашу богоспасаемую Казахстанскую страну и нашу Русскую Православную Церковь, даруя всем нам мир и благоденствие!